

Диакон Георгий Максимов

**НАСТОЯЩИЕ ГЕРОИ
XX ВЕКА:
НОВОМУЧЕНИКИ
И ИСПОВЕДНИКИ
РОССИЙСКИЕ**

Православное Миссионерское Общество
имени прп. Серапиона Кожеозерского
Москва, 2013

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 13-308-1631

диакон Георгий Максимов. Настоящие герои XX века: Новомученики и исповедники Российские. М., 2013. 40 с.

В этой брошюре раскрыто величие подвига новомучеников Русской Православной Церкви, процитировано более шестидесяти житий.

«Гонение окончится, и Православие снова восторжествует. Сейчас многие страдают за веру, но это — золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства» (9, С. 347). Эти слова сказал в 1937 году, незадолго до своего расстрела, митрополит Серафим (Чичагов), и они были пророческими.

Действительно, после освобождения от коммунистического ига Православная Церковь канонизировала около 1800 новомучеников — и в их числе самого митрополита Серафима.

Это были подлинные герои XX века, великаны духа, молитвам которых мы обязаны всему доброму, что имеем сейчас. Даже со стороны, внешние люди, отмечали величие их подвига.

Так, А.И. Солженицын, который попал в лагерь неверующим человеком, позднее в своем «Архипелаге» писал: «Христиане шли в лагеря на мучение и смерть — только чтоб не отказаться от веры! Они хорошо знали, за что сидят, и были непоколебимы в своих убеждениях! Они единственные, может быть, к кому совсем не пристала лагерная философия и даже язык... И женщин среди них — особенно много... За просвещенным зубоскальством над православными

ми батюшками, и мяуканьем комсомольцев в пасхальную ночь, — мы проглядели, что у православной церкви выросли всё-таки дочери, достойные первых веков христианства. Христиан было множество, этапы и могильники, этапы и могильники, — кто сочтёт эти миллионы? Они погибли безвестно, освещая, как свеча, только в самой близости от себя. Это были лучшие христиане России... И как сохранялись в лагере (уж мы видели не раз) истые религиозные люди?... Твёрдость, не виданная в XX веке! И как нисколько это не картинно, без декламации. Как не позавидовать этим людям?».

В этой книжке мы попытаемся кратко раскрыть величие подвига этих людей.

* * *

Существуют некоторые стереотипы о мученичестве, которые мешают должным образом осознать и оценить подвиг новомучеников. Например, некоторые люди считают, что мучеником можно назвать лишь того, кто погиб от руки гонителей, прямо декларирующих, что убивают его именно за христианские убеждения. А если же убийцы говорят, что убили его по каким-либо другим причинам, например, за преступления против государства, то это уже и не мученичество.

При поверхностном взгляде это может казаться убедительным, однако здесь кроется

ошибка. Ведь такая постановка вопроса предполагает, что мученика делают мучеником не его слова и дела и состояние духа перед лицом смерти, мужество и верность Христу, — а намерения его убийцы, и что судить об этих намерениях будто бы следует по словам самих убийц.

Подобный подход несостоятелен и сам по себе, — потому что нигде в церковном предании мы не найдём, чтобы Церковь, при определении мученического подвига, прерогативу в этом отдавала бы свидетельству мучителей, — но также он несостоятелен исторически. Да, в древности бывало, что сами убийцы и гонители прямо декларировали, что они преследуют человека ни за что иное как за то, что он христианин, — как гласил один из эдиктов Диоклетиана: «да погибнет имя христиан». В Римской империи христианство было вне закона и являлось государственным преступлением. В советское время христианство формально не было запрещено и поэтому нужно было искать другую форму для преследований.

Если посмотреть на то, как объясняли свои действия вдохновители убийства Христа, то в их словах мы увидим ту же самую риторику о политической неблагонадёжности и преступлении против государственной власти: «если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Ин. 19:12).

В этом русле шли и коммунистические гонители XX века. Они старались оформить своё чёрное дело так, чтобы оно не выглядело как гонения по религиозному признаку, для чего обвинения новомучеников оформлялись как преследования за государственные преступления. Поэтому, например, в делах российских новомучеников самые часто повторяемые словосочетания: «враг народа», «контрреволюционная деятельность», «противодействие мероприятиям советской власти» и т.п.

О том, как именно коммунисты умудрялись инкриминировать христианам разнообразные «государственные преступления», можно получить представление, обратившись к житиям российских новомучеников. Ниже мы приведём несколько реальных примеров, закончившихся тюремными сроками, а иногда и расстрелами.

Священномученик Матфей (Александров) был бессребренником и за требы денег не брал, и вообще о деньгах говорил пренебрежительно. Когда его арестовали, то на основании этого обвинили, что он «в церкви ведёт контрреволюционную пропаганду против советских денег и отказывается их брать» (23, С. 485). Священномученика Михаила (Самсонова) обвинили в том, что он колокольным звоном хотел «отвлечь избирателей от участия в выборах» и что он «отдельных активистов села вовлекал в Церковь

через опьянение водкой» (20, С. 20). Священномученика Петра (Рождествина) обвинили в том, что он подолгу служил, и тем самым будто бы «затягивал церковную службу с целью срыва полевых работ в колхозе» (18, С. 127). При аресте священномученика Илии (Бенеманского) ничего компрометирующего не обнаружили, но нашли сорок пять рублей мелкой серебряной монетой и на основании этого обвинили священника в том, что «он умышленно придерживал у себя разменную серебряную монету, преследуя цель подрыва правильного денежного обращения» (10, С. 572).

Священномученику Константину (Некрасову) поставили в вину то, что он, отмечая в календаре числа по старому стилю, случайно поставил цифру «8» на фотографию Сталина, что было расценено как «враждебное отношение к советской власти и руководителям партии» (14, С. 209). Узнав, что священномученик Димитрий (Остроумов) давал некоторым прихожанам лекарства, его обвинили в том, что он «занимался нелегальным лечением больных» (5, С. 179).

Про священномученика Иоанна (Покровского) сказали, что его дом посещают странствующие священники, и что будто бы в результате этого была занесена заразная болезнь на колхозных лошадей и свиней (14, С. 52).

Преподобноисповедник Рафаил (Шейченко), говоря на проповеди о жизни преподобного Ио-

анна Дамаскина при дворе халифа, сказал, что «мы не можем представить себе той восточной древней роскоши, которой окружали себя... восточные правители». И эта фраза была поставлена ему в вину, когда следователь заявил: «В этой своей проповеди вы, сравнивая жизнь Иоанна с советской действительностью, высказывали клеветнические измышления на материальное благосостояние трудящихся в СССР» (3, С. 206).

Как нетрудно видеть, обвинения эти носят явно надуманный характер и являются лишь прикрытием подлинного стремления коммунистов: уничтожить Церковь, лишить её священства и монашества под любым предлогом. Мы намеренно привели столь много примеров, чтобы стало видно, что речь идёт не об исключениях, а о систематическом явлении. Реальность заключалась в том, что арестовывались в то время все подряд - и иуды, сотрудники НКВД, и отреченцы, и те, кто снял сан, но продолжал служить (ногда по распоряжению НКВД), и те, кто сам выступал лжесвидетелем. Обвинения, предъявляемые им, являлись ложными, но лишь те показали себя христианами, кто не согласился с этими ложными обвинениями. Как указывал священномученик Григорий (Раевский), «если нас задумают посадить, то посадят и найдут материалы для обвинения, несмотря ни на какие законы» (10, С. 209).

Относиться всерьёз к этим трафаретным, тенденциозным, наспех составленным обвинениям в адрес новомучеников — означает верить сознательно возводимой на них лжи. А если, восприняв эти обвинения за чистую монету, начать сомневаться в мученическом венце пострадавших, — то цель, ради которой эта ложь возводилась, будет достигнута. Священномученику Николаю (Кобранову) во время допроса следователь прямо сказал об этом, заметив с усмешкой: «Не беспокойтесь, святым вас не сделаем» (6, С. 275). А священномученику Варсонофию (Лебедеву), когда вели на расстрел, конвоиры-красноармейцы говорили, издеваясь: «Не торопись, успеешь попасть в Царство Небесное!» А когда возвращались после расстрела, сказали бегущим навстречу прихожанам: «Бегите, бегите! Через три года мощами объявится!» (12, Сс. 219-223).

В отличие от древних гонителей-иноверцев, коммунистические гонители XX века в России получили воспитание в православной среде, и они знали, что такое для Церкви — мученик. Это, впрочем, касается больше прехлебных послереволюционных лет. В 1937 г. пришло уже новое поколение следователей, зачастую совершенно не знакомых с церковными реалиями.

Возвращаясь к теме обвинений, стоит указать и совсем циничные случаи, подобные тому,

что сотворили со священномучеником Василием (Преображенским), который был арестован и осуждён на десять лет лагерей за «клевету на политику советского правительства». В качестве «клеветы» ему инкриминировали сказанные прихожанам слова: «Советская власть арестовывает виновных и невиновных и сажает в тюрьму ни за что, вот и меня задержат тоже, осудят и посадят» (7, С. 125).

Нередко следователи предъявляли православным традиционные для того времени обвинения. Так, священномученика Виктора (Киранова) с группой священников обвинили в подготовке теракта — будто бы они собирались в день выборов отравить колодцы (24, С. 148).

Священномученика Сергия (Покровского) в 1937 году обвиняли в том, что он «проводя систематически контрреволюционную агитацию, в беседах с гражданами восхвалял Гитлера и фашистскую Германию» (14, С. 157), а священномученика Николая (Запольского) — в том, что он будто бы говорил: «скоро из Италии придет папа Римский, он установит свою власть и всех коммунистов в ад загонит... скоро придет папа Римский, он покажет, как крестьян мучить» (13, С. 133).

Отношения новомучеников к обвинениям, выдвигаемым против них коммунистической властью хорошо выражают строки, написанные

священномучеником Сергием (Гортинским) на листе допроса: «Обвинение предъявленное я не признаю, ибо это явная ложь» (11, С. 283). «За собой вины против советской власти никакой не знаю» (13, С. 237), — свидетельствовал перед следователем священномученик Сергей (Бажанов). А священномученик Сергей (Флоринский) в конце допросного листа написал: «Считаю одно: вина моя в том, что я священник, в чём и расписываюсь» (21, С. 23).

«Винным себя не признаю» — эти слова проходят красной нитью через все протоколы допросов русских новомучеников.

Мученики не соглашались признаваться в тех преступлениях, которые им приписывали гонители, потому что такое согласие было бы формой лжесвидетельства. Такой отказ требовал большого мужества, поскольку, как правило, в процессе следствия у подсудимых пытались выбить признание побоями и пытками, так что некоторые мученики даже не доживали до приговора, умирая от травм, полученных в кабинете следователя, как, например священномученик Василий (Канделябров).

К твёрдым и непреклонным заявлениям новомучеников об их невиновности советские суды и следственные органы относились без особого внимания, но для Церкви свидетельство самих мучеников о себе приобретает решаю-

щее значение, так как свидетельствует о верности новомученков Христу, не согласившихся нарушить заповеди, покривит душой, к чему подталкивали гонители.

Относительно коммунистической эпохи могут заметить: ведь тогда репрессиям подвергалось не только духовенство. Точно так же арестовывали тех, кто при прежнем режиме занимал офицерские чины в полиции и армии, тех, кто публично критиковал марксизм, и вообще всех, кого подозревали в политической неблагонадёжности. Их тоже пытали, бросали в тюрьмы, казнили, и некоторые из них проявляли при этом большое мужество и выдержку. Разве означает это, что всех их тоже нужно канонизировать?

Не означает, потому что мучеником в православном понимании становится не всякий, кто пострадал и был несправедливо убит, но только тот, кто проявил на этом пути искреннюю веру, предпочтя лучше умереть, чем повредить душе лжесвидетельством.

Святые отцы говорят, что «Бог ценит дела по намерениям их» (прп. Марк Подвижник. Слова, 1.184) и что «во всех наших делах Бог смотрит на намерение, — делаем ли мы это ради Него, или ради какой-либо иной причины» (прп. Максим Исповедник. Главы о любви, 2.36).

То есть, нравственное и духовное достоинство поступка определяется по тому намерению,

с которым он совершается. Так христианская милостыня отличается от гуманистической филантропии именно тем что творится во имя Христа и ради Христа, хотя внешне может выглядеть одинаково — люди и в том и в другом случае дают свои деньги нуждающимся. Так христианское целомудрие отличается от полового воздержания, совершаемого в силу психологических или физиологических причин именно тем что творится ради Христа, то есть, ради исполнения Его заповедей, — хотя формально мы видим одно и то же уклонение человека от блуда. Так пост отличается от вегетарианства именно тем, что совершается ради Христа, в память о Нём и в подражание Его посту. Вегетарианец, воздерживаясь от животной пищи, не посвящает это воздержание Христу, не ожидает от Него награды, и, соответственно, не получает никакой духовной пользы от своего воздержания ни в этой жизни, ни в будущей, — хотя, конечно, может получить временную телесную и душевную пользу.

Так и мученичество именно посвящением Христу отличается от всякой мужественной и героической смерти: «ибо кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8:35).

Была определённая логика в том, кого коммунистическая власть выбирала на роль жертв.

Бывших полицейских и армейских хватали отчасти в порядке мести, — как врагов, с которыми ещё недавно было вооружённое противостояние, а отчасти ради того, чтобы обезопасить свою власть от людей, которые в силу своей подготовки, могли бы возглавить восстание.

Интеллигенцию преследовали ради того, чтобы обезопасить себя от умных критиков, которые могли бы дать идеологическое обоснование свержению коммунистической власти. Сказанное выше в той или иной степени относится и к другим категориям репрессированных, за исключением случайных жертв.

Но это не относится к духовенству¹. Как известно, Церковь, следуя заповеди «повиноваться и покоряться начальству и властям» (Тит. 3:1), сохраняла лояльность к коммунистической власти (как и к любому другому режиму, в котором ей приходилось существовать) и своих чад призывала к повиновению, а не к мятежу. Да, имели место случаи открытой критики действий властей со стороны тех или иных священнослужителей, но не это было подлинной причиной арестов, потому что репрессии затрагивали не только тех, кто критиковал.

¹ Священство нельзя было упрекнуть в нелояльности, за исключением того периода Гражданской войны, когда власть переходила из рук в руки, и священнослужитель сам мог определяться, когда власть станет законной.

Можно привести пример священномученика Петра (Петрикова), свидетельствовавшего на допросе: «Я всегда исполнял все касавшиеся меня законоположения, — не знаю ни одного случая нарушения мною таковых. Пользуюсь свободой верить во что мне угодно, по основному закону страны — конституции... Церковь — «не от мира сего». Мои интересы — интересы чисто духовные: получение благодати и приобретение совершенств, которыми обладает Бог, в Которого верю. Вопросами политики никогда не занимался и в политических вопросах не разбираюсь. Власти подчиняюсь по совести и готов пожертвовать для нее всем, чем только могу, если это будет нужно. Только верой в Бога не могу пожертвовать никому» (4, С. 191).

То, что таких людей хватали, сажали и расстреливали, означает, что делали это именно ради того единственного, чем они не могли пожертвовать.

В своих антирелигиозных гонениях коммунисты преследовали даже тех, кто совершенно не мог представлять для них угрозы. Например, священномученик митрополит Серафим (Чичагов), к моменту ареста был уже давно на покое, ему шёл восемьдесят пятый год, он был прикован к постели, — при аресте его вынесли на носилках и в машине «скорой помощи» доставили в Таганскую тюрьму, а затем осудили и расстре-

ляли. Также и священномученик архиепископ Алексей (Бельковский) по болезни не мог самостоятельно передвигаться, ему было девяносто пять лет, когда за ним пришли сотрудники НКВД, и вынесли его на простыне.

Разве есть какая-либо рациональная необходимость в том, чтобы разыскивать и тащить в тюрьму давно отошедших от дел и доживающих последние дни больных стариков? Они не были правящими архиереями, нигде не выступали, ничего не издавали, не вели никакой публичной деятельности, а по причине телесной немощи даже не совершали богослужений. Какую угрозу они представляли для советской власти?

Чем могли повредить ей? Очевидно, что единственной причиной их преследования было то, что они принадлежали к числу служителей Церкви Христовой.

Коммунисты воспринимали религию как соперничающую идеологию, существование которой препятствует поголовному распространению их безбожного учения. Именно потому они с ней боролись разными способами, один из которых — репрессии и убийства наиболее видных священнослужителей, монахов и мирян. Таким образом, их преследовали именно за веру, хотя и пытались замаскировать это обвинением политического, а то и уголовного характера.

Впрочем, сохранились свидетельства о том, что иногда гонители и не скрывали того, что преследуют именно за веру. Священноисповедник Зиновий (Мажуга) рассказывал: «В 1936 году меня арестовали и, не предъявив никакого обвинения, несколько месяцев продержали в ростовском распределителе. Однажды я спросил следователя: «В чём же состоит моя вина, какое предъявляют мне обвинение?» Следователь молча указал на мою рясу» (2, С. 47). А когда благочестивый крестьянин Дмитрий Клевцов в 1929 году попал под суд, на суде спросили, знает ли он, за что его судят. Дмитрий ответил, что, мол, кому-то не понравился. Тогда судья сказал откровенно: за веру и прежнюю зажиточность. «Откажись от веры, вступи в колхоз, и мы судить тебя не будем. Дадим работу, даже сделаем начальником небольшой комунны, будешь руководить». На это Дмитрий ответил: «За веру судите? Я всегда готов к суду» (24, С. 194).

Звучали, конечно, и другие обвинения: священномученику Владимиру (Лозина-Лозинскому) предъявили обвинение за служение панихид с поминовением царя-страстотерпца Николая II. Мученика Иоанна (Емельянова) обвиняли в том, что он «в контрреволюционных целях прославлял могилу умершего иеромонаха Аристоклия, организовывал на нее паломничества» (14, С. 202). Священномученику Димитрию (Плышев-

скому) инкриминировали участие в «повстанческой шпионской организации» (15, С. 68). Преподобномученицу Ирину (Фролову) арестовали по обвинению в сопротивлении мероприятиям советской власти на селе. Мученика Иоанна (Малышева) обвинили в «систематическом ведении контрреволюционной фашистской агитации» (15, С. 95). Мученику Никифору (Зайцеву), как и многим другим, предъявили трафаретное обвинение в агитации против колхозов как якобы «антихристового предприятия», даже не обратив внимания на то, что сам мученик являлся колхозником.

Нужно сказать, что существовала одна категория обвинений, по которой мученики свою «вину» признавали — это когда их обвиняли в несогласии с коммунистической идеологией и в критике антирелигиозных и антицерковных действий власти.

Например, мученица Ольга (Кошелева) на вопрос следователя: «О том, что советская власть безвинно арестовывает духовенство, закрывает церкви без согласия на то верующих, вы говорили?» смело ответила: «Да, я это говорила; и сейчас, видя, как безвинно арестовали меня, ещё раз говорю, что советская власть безвинно арестовывает духовенство и верующих» (16, С. 346). А преподобномученику Варфоломею (Ратных) следователь зачитал показания свиде-

теля, который слышал от святого Варфоломея слова: «Да, всё плачет, плачет мир, и будет ещё плакать», и поинтересовался: «Отчего же плачет мир?» Святой отец сказал: «От скорби, приключённой ему советской властью», но не признал это контрреволюционной агитацией: «ведь это же суцая правда, говорю, что есть, что вижу» (25, С. 257).

Можно привести ещё примеры из допросов новомучеников: «Врагом советской власти я не являюсь... но являюсь противником антихристианской политики советской власти, а равно и материализма, как отрицающего идею религии» (священномученик Владимир (Пищулин). 15, С. 401); «учение материалистическое не признаю в корне и считаю его своему мировоззрению враждебным. Поэтому я не согласен с действиями коммунистической партии в нашей стране, когда она навязывает свое мировоззрение другим гражданам, мыслящим по-другому» (священномученик Владимир (Сперанский). 6, С. 140); «на все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей... нужно молиться Богу, а также жить в любви, — только тогда мы от этого избавимся» (преподобноисповедник Севастиан (Фомин). 17, С. 82).

Есть люди, которым кажется, что будто бы нельзя называть мучениками тех пострадавших

христиан, которые выражали явное несогласие с коммунистической идеологией, критиковали её, равно как и антицерковную политику коммунистической власти. Таким людям кажется, что в этом случае священнослужители пострадали не за Христа, а за свою политическую деятельность, и, якобы, потому быть святыми не могут. Мол, если бы они просто служили литургию, то никто бы не стал их арестовывать, сажать в тюрьмы, расстреливать.

Но это взгляд, чуждый Церкви. Он был бы отчасти справедлив, если бы речь шла о критике тех политических действий власти, которые не имеют отношения к религии. Но ведь новомученики говорили не об этом — они критиковали безбожную идеологию и антирелигиозные мероприятия власти. И тем самым они исполняли свой пастырский долг, точно так же, как и мученики древних времён.

Вот, например, во II веке был арестован и приведён на суд святой мученик Аполлоний. В присутствии множества свидетелей префект Терентий указывает святому на то, что согласно законам империи и указу императора нужно «принести жертву богам» и «поклониться Фортуну самодержавного Коммода». А святой на это отвечает, что «великое бесчестие падать ниц пред ничтожными тварями, и было бы низким раболепством боготворить то, что не стоит то-

го», и что «глупцы были те, которые изобрели их и еще более неразумны те, которые боготворят и чтут их» (Апология, 16). А когда префект спросил: «разве ты не знаешь, что по определению сената совсем не полагается быть христианам?», мученик ответил: «определение сената не может отменить определения Бога. Ибо насколько люди легкомысленно ненавидят и убивают тех, которые делают добро, настолько во многих отношениях люди стоят далеко от Бога» (Апология, 24).

Это что, разве не критика распоряжений правительства? Разве не прямое неподчинение власти и её законам? Разве не явное выступление против идеологических основ государственного строя?

А когда другой святой того же века — Аристид в своей апологии, пишет императору языческой империи о том, что язычники «допустили смешные, глупые и нечестивые утверждения, называя несуществующих богов согласно своим лукавым вожделениям» — это что, разве не критика государственной идеологии?

И, опять же, когда святой Иустин Мученик в своей второй апологии пишет римскому сенату, протестуя против гонения на христиан, как против того, что «безрассудно делается вашими правителями повсюду»; указывает, что «злые демоны, всегда враждующие против нас, на-

страивают таких правителей, как бы беснующихся, подвергать нас смерти», и называет таких правителей «беззаконными» — это разве не могло быть расценено язычниками как «враждебное отношение к власти и руководителям» и как «противодействие мероприятиям власти»?

Святые подчинялись власти, не устраивали против неё восстаний, платили налоги, исполняли предписанные законы, — но они не могли молчать о том, что насаждаемая безбожным государством идеология есть ложь, а проводимое гонение против Церкви — грех и беззаконие. И это делали как древние мученики, жившие среди язычников, так и новомученики, жившие под коммунистическим игом².

Но, конечно, не стоит впадать в другую крайность и отождествлять мученичество с политическим диссидентством. Отношение к политике в целом у мучеников могло быть разным, до известной степени могло варьироваться и отношение к коммунистической власти — от резкого неприятия, до спокойного терпения. По понятным причинам не могло быть только искреннего согласия, ибо, как заметил на допросе преподобномученик Леонтий (Стасевич), «если священник попадёт под влияние коммунистов,

² Конечно, при том различии, что в Римской империи первых трех веков христианство было официально запрещено, а в СССР такого запрета не было.

под влияние материалистических убеждений, он уже не будет священнослужителем» (15, С. 422).

Мученичество определяется не в зависимости от политических взглядов пострадавшего, а от его верности Христу. Увидеть эту верность можно глядя на то, как страдальцы проходили все этапы крестного пути, и насколько хриstopодобны были они в каждый из этих этапов.

* * *

Некоторые думают, что крестный путь мучеников и исповедников начинался с их ареста, но в действительности он начинался ещё раньше. Быть может, так нельзя сказать про всё время коммунистической власти, но, по крайней мере, это справедливо для периодов особо сильных гонений.

Уже для того, чтобы просто добросовестно служить в то время, когда и государство и значительная часть общества к тому, что ты делаешь, относится резко негативно и презрительно, когда то и дело приходят известия об арестованных священниках, осуждённых, расстрелянных, — нужно немалое усилие над собой, чтобы не допустить помыслов о снятии сана или хотя бы о бегстве.

Из-за лишения прав, отнятия имущества и обложения чудовищными поборами, семьи почти всех священников жили в нищете, особенно

многодетные. Чтобы доставить им хоть какое-то пропитание, многие отцы, особенно сельские, должны были жить в каторжном труде. Например, священномученик Александр (Соловьев), который вместе со своей семьёй жил в страшной нужде. Не хватало средств на пропитание, и святой Александр с детьми ходил в лес собирать грибы и заготавливать ивовое корье, которое они меняли на хлеб. При этом у священника всегда был выбор, — его готовы были принять счетоводом в колхоз если он откажется от сана, на что он сказал: «Этого я сделать не могу. Я поставлен Богом и должен служить Богу» (13, С. 245).

Дочь священномученика Александра (Парусникова) вспоминала один из обычных случаев тех лет: она идет с отцом по улице, держа его за руку, а люди, идущие навстречу, оборачиваются и плюют священнику вслед. Отец, почувствовав переживания дочери, спокойно сказал ей: «Ничего, Танюша, это всё в нашу копилку» (13, С. 124). Ему же сотрудники НКВД, вызвав для беседы, говорили: «Уходи из церкви, ведь у тебя десять детей, а ты их не жалеешь». — «Я всех жалею, но я Богу служу и останусь до конца в храме» (13, С. 127).

Вскоре после первых лет революции священники в Советской России вполне осознали, в каких условиях они теперь живут, и какая

угроза над ними висит ежечастно. Многие тогда жили как священномученик Иаков (Маскаев), — он заранее завел себе сумку, в которой было собрано все необходимое на случай ареста. Некоторые загодя отсылали семьи в другие места и жили отдельно, чтобы не повредить им, как поступили священномученик Николай (Лебедев) и священномученик Иоанн (Великов).

Разве такая решимость и такие жертвы, приносимые ещё до ареста, не свидетельствуют о великой преданности новомучеников Христу? Может быть, это ещё не исповедничество, но, безусловно, первый шаг к нему.

Они знали, что их ожидает, многие могли убежать, а некоторым это даже настоятельно предлагали друзья и близкие. Священномученика Сергия (Кроткова) заранее предупредили о грозящем аресте, но он невозмутимо продолжал служить в храме, отвергая предложения родственников спастись бегством. «Что же, — сказал он им, — прихожане придут молиться, а я окажусь дезертиром, предавшим Бога и паству?» Так и служил до самого ареста, за которым последовал расстрел. А священномученик Феодор (Недосекин) на такие предложения отвечал: «Хоть день, да мой — и пред престолом Божиим!»

Разве не сияет в этих поступках свет христоводобного мужества и самопожертвования? Раз-

ве не видно в них сознательного выбора в пользу верности Церкви Христовой и своему служению, а в этом выборе разве не видно, что для сих страдальцев служение Христу значило больше, чем собственная жизнь? И если даже мир восхищается воинами, которые, не смотря на смертельную опасность, остаются на посту и исполняют свой долг, то как не восхититься подвигом этих воинов Христовых, и не воздать ему должное?

Если требовалось мужество даже просто для того, чтобы в те времена остаться честным и добросовестным пастырем, то насколько больше требовалось мужества для того, чтобы явно высказать свой голос в защиту веры и Церкви?

Может быть, для современных людей это уже не так очевидно, но публично сказать или написать слово против действий власти в то время — совсем не то же самое, что сказать или написать сейчас. Особенно если это слово исходит от человека в рясе. Конечно, мученики догадывались, что безбожники не оставят это без последствий. Можно вспомнить поступок священномученика Димитрия (Овечкина), который согласился идти на публичный диспут с лектором-атеистом, хотя близкие отговаривали и предупреждали, что после этого его арестуют.

Но святой Димитрий пошёл и отстаивал христианскую веру, а затем действительно был арестован и осуждён.

В упомянутых примерах мы видим то, что можно видеть во всех православных мучениках всех времён — ревность о вере и отсутствие страха перед людьми. Они показывают, что для этих страдальцев любовь к правде Божией была дороже своей жизни. Это — исповедничество ещё до ареста.

* * *

Следующий этап крестного пути — арест и следствие. Для неподготовленного человека даже обычное психологическое давление при допросах — немалое испытание, но в коммунистическом делопроизводстве психологическим давлением дело не ограничивалось, и в ход шли откровенные издевательства, избиения и пытки. Следователи, скрывая подлинные причины ареста, находили ложных свидетелей, фабриковали улики, но самое главное — пытались заставить подсудимых признаться в вымышленных преступлениях против государственной власти.

В определённые периоды широко практиковались пытки. Дочь священномученика Александра (Ильенкова) вспоминала, что однажды подсмотрела, как ее отца выводят после допроса: «У него был разбит весь лоб и он еле переставлял ноги.

Как потом мы узнали, пытки проводили самым изощрённым способом. Били по лицу, по

животу, и ниже, избивали до потери сознания» (24, С. 147). А жене священномученика Гавриила (Масленникова) (†1937) отдавали из тюрьмы окровавленные рубашки мужа, когда он был под следствием (12, С. С. 331.). А вот как священномученик Виктор (Киранов) описывал методы допросов в письме к жене: “Сперва отборная, пересыпанная матерщиной ругня, затем толчки, удары до грыжи, а затем бессонная стойка в течение 300 часов с перерывом в 6 часов, заставили подписать составленный начальником НКВД Еременко протокол – бред сумасшедшего... я держался до 29 июня – больше месяца без сна и днём и ночью” (24, С. 148).

И, не смотря на всё это, они остались непреклонны. В этих страданиях они уподобились Христу, терпевшему побои и издевательства во дворе первосвященника, — после того, как Его арестовали, но до того, как привели на суд к Пилату.

По словам игумена Дамаскина (Орловского), одного из главных труженников Синодальной комиссии по канонизации Русской Православной Церкви, при рассмотрении вопроса о причислении того или иного страдальца к лику святых, внимательно изучается его дело на предмет того, как он вёл себя во время следствия. Важным и даже одним из ключевых критериев является то, сохранил ли страдалец твёрдость, не

поддался ли он давлению, и не признал ли возводимую на него ложь, а также не давал ли показаний против других страдальцев.

Многих в то время арестовывала и пытала коммунистическая власть, но мучениками и исповедниками мы считаем не всех, а только тех, кто принимал эти страдания из-за искренней веры, принадлежности Церкви, служения Богу и исповедания правды Его, и кто не испугался, не сдался, остался твёрд. И таких было немало.

* * *

Есть ещё один показатель внутреннего христуподобления страдальцев во время их крестного пути. Действительно, много сил нужно, чтобы не поддаться пыткам, но для людей, выдержавших мучения, крайне сложно избежать чувства сильного гнева и даже ненависти против обидчиков. Трудно не сломиться, но ещё труднее не озлобиться.

И наши новомученики, избегая этого искушения, подражали Христу, молившемуся за палачей: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Многие прямо повторяли эти слова Спасителя. Так, например, женщины, подсмотревшие расстрел священномученика Николая (Любомудрова) рассказали, что он, стоя перед палачами, перекрестился и со словами: «Господи, прими дух мой. Прости им, ибо не ведают, что

творяют» — поднял руку и благословил их. И после этого был убит (7, С. 60). Те же слова сказал и священномученик Макарий (Гневушев), и даже ободрил одного из своих палачей, смутившегося тем, что ему придётся стрелять в духовное лицо (26, С. 76). Эти слова Христовы повторяли перед казнью и священномученик Сергей (Шеин), и священномученик Михаил (Каргополов).

Но и не дожидаясь казни мученики хриstopодобно прощали всех тех, кто их предал, кто доносил на них, свидетельствовал против них, кто мучал их в тюрьмах. Священномученик Онуфрий (Гагалюк) писал: «Меня возили с позором под конвоем много раз по улицам. Я сидел в тюрьме среди воров, убийц и насильников... Оглядываясь на жизнь в ссылке я вижу лишь светлые картины. Всё тёмное, мрачное, позабыто. А между тем я перенёс от людей много злобного, всякого презрения, насмешки, печатную клевету, видел явное предательство со стороны близких, был ранен, испытывал нервные страдания и большие страхи. И от всего этого нет следа... Да будет воля Божия. Везде Господь с нами, лишь бы мы только не отходили от Него. Он поддерживает душу мою, направляя её на стези правды» (8, Сс. 29-30).

А преподобноисповедник Рафаил (Шейченко) так писал из лагеря о тех, благодаря кому он там оказался: «дорогое дитя моё, прошу: и за ме-

ня и за себя не сердись ни на кого... как не сержусь ни на кого я, и всем, всем простил в самый час скорби моей ещё 11 июля³, и сейчас, как и до самой смерти, буду о них молиться не яко за врагов и обидчиков своих, а яко о благодетелях спасения моего, — да помилует и спасёт их Господь» (З, С. 217).

И смерть мученики встречали христоподобно — не сдавшись, без страха и озлобленности.

Священномученика Макария (Гневушева) казнили в составе группы из четырнадцати человек. Расстреливали по-очереди. Владыка был последним, при этом он молился с чётками в руках и благословлял каждого: «С миром отыди». Какое присутствие духа нужно сохранять, чтобы при виде ужасных убийств, осознавая, что это последние минуты твоей жизни, продолжать исполнять свой пастырский долг, напутствуя умирающих!

* * *

Согласно распространённому стереотипу, от мучеников гонители непременно должны потребовать отречения от Христа в обмен на жизнь и свободу. Такой момент действительно встречается в житиях многих древних святых.

Имел место он и в коммунистическое время. В Советском Союзе большинство священников

³ В этот день он был арестован.

ещё на свободе в частных беседах с представителями власти слышали призывы отречься от веры и публично снять с себя сан — и обещания значительных карьерных перспектив в таком случае, равно как и угрозы в случае неповиновения. А после ареста и во время следствия некоторым, — хотя далеко не всем, — следователи предлагали прекращение уголовного дела в обмен на публичное отречение от Бога. В редких случаях бывало, что даже прямо перед казнью такой выбор ставился перед христианином.

Например, священномученика Тихона (Архангельского) перед расстрелом сотрудник НКВД спросил: «Не отречешься?» — «Нет, не отрекусь!» — ответил священник, и принял смерть за Христа (12, С. 285).

Конечно, ситуация устно проговариваемого выбора наилучшим образом подчеркивает высоту и красоту мученического подвига, но всё же это не то, что делает мученичество мученичеством. Не только в житиях новомучеников, но и в некоторых житиях древних мучеников мы не увидим такой ситуации, чтобы непременно им предлагали отречься от веры в обмен на жизнь.

Не предлагали этого выбора священномученику Феогену, епископу Парийскому, которого арестовали при Ликинии за то, что отказывался служить на военной службе у языческого правителя. Его подвергли избиению, а затем по при-

казу Ликиния утопили в море. Не предлагали этого святым Асийским мученицам Марфе, Марии и брату их Ликариону, — их сразу же приказали казнить после того, как они сказали, что являются христианами. Также и святого мученика Никифора Антиохийского казнили просто по факту исповедания Христа, без угроз и уговоров.

Не предлагали отречения и священномученику Панкратию Тавроменийскому, — несколько обозлённых на него язычников, выбрав подходящее время, тайно напали на него и убили.

Не предлагали и преподобномученице Евдокии Илиопольской — после смерти прежнего наместника-христианина, новый наместник-язычник, зная о Евдокии как о выдающейся христианке, без всякого суда и следствия послал воинов отсечь ей голову. Не давали никакого выбора и священномученику Протерию, патриарху Александрийскому, которого убийцы-монофизиты долго искали, а когда нашли, сразу же умертвили.

Наконец, не предлагали такого выбора и преподобномученикам Синайским и Раифским, которые были убиты при грабительском набеге на монастыри, — однако же монахи, погибшие при этом нападении, называются Церковью «пострадавшими и умершими за Христа».

Выбор «отречься — или не отречься» стоит перед каждым мучеником независимо от того, произносят ли эти слова люди, которые его допрашивают, судят, пытаются или убивают. Этот выбор ставят бесы в духовной брани, которую испытывает каждый мученик, когда идёт на страдания. Доказательством этому служат те несчастные, которые, будучи призваны на исповеднический подвиг, оказались падшими.

Например, документально описан случай священника Василия К. Будучи арестован в 1929 году, во время следствия признал свою вину, каялся перед безбожниками, обещал: «по выходе из-под ареста священником больше служить не буду, так как осознал, что религия является дурманом для народа». Но это не спасло его и он получил столько же, сколько в тот период обычно получали священники — три года концлагерей, где работал на рудниках, получил туберкулёз и ревматизм ног, а через год после освобождения скончался (22, Сс. 84-85).

Похожий случай был десятью годами раньше, когда в одну ночь арестовали священномученика епископа Митрофана (Краснопольского) и его викария епископа Леонтия. На следствии святой Митрофан держался мужественно, Леонтий же давал показания против него, а себя называл «единственным епископом земли русской... выразившим полное сочувствие совет-

ской власти», говорил о готовности проповедовать коммунизм в Церкви, и всячески заискивал перед следователем. Но это не помогло Леонтию сохранить жизнь, и они были расстреляны в один день (19, С. 461).

Чем объяснить поведение епископа Леонтия и священника Василия? Сами коммунисты этим людям не предлагали отречься от Христа, от веры, от Церкви, и не обещали спасение или свободу за это. Но предлагали бесы, внушая им такие малодушные помыслы. И эти падения показывают, какая внутренняя брань была у всех мучеников. Ибо и они могли поступить так же, как поступили павшие, а эти, в свою очередь, могли бы не сдаться, как и святые. Такова реальность выбора, стоявшего перед мучениками.

И даже те мученики, у которых в распоряжении были лишь считанные минуты после того, как они увидели убийц, внезапно пришедших за ними, — тоже имели возможность смалодушествовать и начать умолять их о пощаде. Убийцы вовсе не обязаны были удовлетворить эти мольбы, но такой выбор существовал. И, конечно, те, кто так поступил, кто струсил, умолял о пощаде, — мучениками не стали, даже если их всё равно убили. А те, кто сохранил хриstopодобное мужество и до конца остался невозмутим, стали мучениками, точно так же как и те, кого безуспешно принуждали к отречению, — потому что

в душе своей они сделали такой же выбор, и если даже они не произносили слов «не отрекусь», то делом показали, что имели равное настроение и равную решимость с теми, кому Господь дал возможность публично произнести эти слова.

Стоит привести характерные слова об отцах, пострадавших в Фаране: «Они приняли смерть без страха и скорби, радуясь и благодаря Бога за свою участь. Мысли их были обращены к своему Владыке. Чрез праведную жизнь они сделали себя храмами для святого Духа. Презрев прелесть и суету мирскую, они последовали одному Богу и, наконец, умерли за имя Его среди различного рода мучений».

В этих словах есть указание на ещё одно важное обстоятельство для определения мученического подвига: «умерли за имя Его». По имени Христа называются все последователи Его — христиане. И потому всякий, кого убивают именно как христианина, умирает за имя Его и есть мученик — если, конечно, он не пытался убежать от креста, не смалодушествовал, но был твёрд до конца.

* * *

В своём «Увещании к мученичеству» святой Киприан Карфагенский представляет мученичество как духовную борьбу мучеников с дьяволом и победу над ним, и в этой борьбе гонители со всеми их пытками и казнями являются лишь

орудиями дьявола. Притом сами гонители могут и не осознавать той роли, которая им отведена, — как разбойники, напавшие на монастыри в Синае и Раифе. Но для определения факта мученичества значение имеет вовсе не то, что думали убийцы, и как они оправдывали свои злодеяния, а то, что думали мученики, и как они встречали свои страдания и смерть.

Чтобы узнать это, достаточно прочесть слова, которые мученики говорили на допросах, и которые сохранились в следственных материалах, записанные рукою безбожника-следователя. Мученица Татьяна (Егорова): «Иисус терпел, и я тоже стану терпеть и переносить, на всё готова» (1, С. 158). Преподобномученица Агафия (Крапивникова): «В Бога я верую... пусть стреляют, от Бога не откажусь» (15, С. 503). Преподобномученик Петр (Тупицын): «Я человек верующий и готов пострадать за веру, на которую сейчас идёт гонение. Это гонение не новость» (27, С. 287). Мученик Никита (Сухарев): «Ещё во времена Римской империи были гонения на христиан и такое же гонение переживают христиане сейчас, при советской власти. Но, как кончилась Римская империя и восторжествовало христианство, так кончится и теперешнее гонение на христиан» (19, С. 406). Преподобномученик Евфимий (Любовичев): «что я отсидел в тюрьме... я очень доволен, ибо страдаю за веру»

(3, С. 78). Священномученик Георгий (Степанюк) накануне расстрела писал в письме: «Чувствую, что страдаю за веру».

Для решения вопроса о факте мученичества именно это свидетельство имеет решающее значение, свидетельство мучеников. Разумеется, свидетельство выраженное не только словами, но прежде всего делами.

Все, кто не отрекся от сана, знали, на что обрекают себя. В особенности те, кто встал на путь служения Церкви в послереволюционные годы.

Священномученик Пётр (Полянский), митрополит Крутицкий был мирянином в 1920 году, когда святой патриарх Тихон предложил ему принять монашество, а затем священство. Придя домой, святой отец рассказал родственникам об этом и прибавил: «Я не могу отказаться. Если я откажусь, то буду предателем Церкви, но когда соглашусь — я знаю, я подпишу тем себе смертный приговор» (9, С. 342).

Стоит отметить то упорство и мужество, с которым многие новомученики, оказавшись в заключении за имя Христово и своё церковное служение, после освобождения, снова возвращались к тому же служению, и многие делали это не раз. Так, священномученик Павел (Добромыслов) на протяжении двадцати лет служения трижды отбывал срок и всякий раз, выйдя на свободу, возвращался к священнослужению, а

уже в четвертый свой срок умер в заключении. Так же и преподобноисповедник Сергей (Сребрянский) трижды был в темнице и всякий раз возвращался к служению.

Преподобный Ефрем Сирий в своём «Похвальном слове славным мученикам, во всем мире пострадавшим» указывает следующие признаки мученика: преданность Богу, мужество, незлобие к мучителям, готовность отвергнуться себя самого и всего своего ради Христа.

Все эти признаки видны в случае христиан, пострадавших от рук коммунистов в России. Даже в рамках такого краткого обзора как наш можно видеть, что в их страдании и смерти сияет тот же свет хриstopодобного мужества, какой сияет в мучениках древних времен.

Источники:

1. Были верны до смерти. Рязань, 2002. Т. 1.
2. Глинская пустынь и её старцы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
3. Жития новомучеников и исповедников Оптиной пустыни. Оптина пустынь, 2008.
4. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Доп. Том I. Тверь, 2005.
5. То же. Доп. Том II.
6. То же. Доп. Том III.
7. Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Ч. 2. Романов-Борисоглебск, 2000.

8. Иеродиакон Софроний (Макрицкий). Священномученик Онуфрий (Гагалюк). М., 2003.

9. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь, 1996.

10. То же. Кн. 3. Тверь, 1999.

11. То же. Кн. 4. Тверь, 2000.

12. То же. Кн. 5. Тверь, 2001.

13. То же. Кн. 6. Тверь, 2002.

14. То же. Кн. 7. Тверь, 2002.

15. Игумен Дамаскин (Орловский). Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь. Тверь, 2005.

16. То же. Февраль. Тверь, 2005.

17. То же. Апрель. Тверь, 2006.

18. То же. Май. Тверь, 2007.

19. То же. Июнь. Тверь, 2008.

20. Иеродиакон Иосиф (Ключников). Жития новомучеников земли Чувашской. Чебоксары, 2009.

21. Иеромонах Нестор (Кумыш). Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб., 2003.

22. Королёв В.А. «Душу не погублю». М., 2001.

23. Протоиерей Николай Доненко. Наследники Царства. Т. 2. Симферополь, 2004.

24. Он же. Новомученики Бердянска. Феодосия-Москва, 2006.

25. Он же. Новомученики Феодосии. Ф-М., 2005.

26. Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские. NY, 1949.

27. Умолкнувшие колокола. Новомученики Российские, жизнеописания. М, 2002.